

© 2019

Людмила Корель

доктор социологических наук, главный научный сотрудник
Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
(e-mail: korell@mail.ru)

Екатерина Павлюк

младший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
(e-mail: ekas@ieie.nsc.ru)

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ НЫНЕШНЕЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ПРЕОБЛАДАНИЕ ФАКТОРОВ ТОРМОЖЕНИЯ НАД ФАКТОРАМИ РАЗВИТИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

В статье излагается новая перспективная концепция многовекторной федеральной промышленной политики, способная преодолеть изъяны и дефекты действующей федеральной промышленной политики. Используются материалы двух социологических обследований, позволившие показать устойчивые социально-экономические коллизии между Федеральным центром и руководством крупных промышленных предприятий в связи и по поводу проводимой промышленной политики.

Ключевые слова: Федеральная промышленная политика, дискурс, человеческий капитал.

DOI: 10.31857/S020736760007834-6

На рубеже XIX – XX веков классическая политэкономия в Европе стала уступать свои позиции новой, неклассической. В то время мощно актуализировались идеи, связанные с корректировкой предмета этой науки – переориентирование на гуманитарный профиль и целеполагание, акцентация «мира человека, а не мира благ и капитала». В 1897 г. известный немецкий ученый Е. Шмоллер так противопоставлял новую политическую экономию классической, руководствующейся образцами классического естествознания: «Политическая экономия (Volkswirtschaftslehre) сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму (присущим классической политэкономии, К.Л., П.Е.). В отличие от чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений, связанных со стоимостью, изучает экономические институты и которая снова ставит в центр (сердце) науки не мир благ и капитала, а человека» [цитируется по 22, 7].

Переход политэкономии к неклассическому дискурсу хотя и был осознан и отрефлексирован более века назад, до сих пор не занял доминирующих позиций в экономической науке, не привёл к существенным изменениям в экономических институтах, микро- и макропроцессах.

Необходимость преодоления этой ситуации мотивировала участников Международной конференции по проблемам социального развития [8] предложить мировому сообществу пересмотреть иерархию критериев общественного развития — переориентировать внимание с показателей темпов экономического роста на показатели устойчивого гармоничного развития человека. К сожалению, заглавная идея конференции: «Экономика — для развития человека, а не человек — для развития экономики» не произвела заметного конструктивного эффекта гуманитарного толка на экономическое поведение политической и бизнес-элиты.

Дискурсы «человекоцентризма» и «социоцентризма», транслирующие представления о «человеке социальном» как высшей цели и смысле общественного развития, а не орудии, средстве, факторе экономического производства и потребления, с трудом пробивает себе дорогу в мире политэкономических идей, а из мира идей — в мир реальных социально-экономических структур, институтов и процессов.

Правящие элиты, в качестве ответа на императивы человекоцентризма и социоцентризма, актуализированные эпохой зрелого модернити и раннего постмодернити и активизирующие протестные настроения в массовом сознании и медиапространстве в отношении устаревших взглядов на глубинные смыслы человеческого существования, вынуждены были начать искать, за неимением других, паллиативные способы решения этой проблемной ситуации. Как следствие, в социально-экономическом поле возникают и актуализируются сомнительные, по большей части негативные, социальные технологии «воздействия на массы» — классические манёвры власти «отвлекающего» и «усыпляющего» характера. Во-первых, в их число входят, так называемые, «долгосрочные стратегии развития». Их цель — отвлечь, переключить внимание обывателя от гнетущих реалий на «прекрасное далёко», посеять в его душе обманчивые надежды, увы, массово уходящие «в песок времени». По факту, содержание стратегий такого рода является классическим «фантомом», имеет мало общего с реальностью, а судьба их трагична, поскольку ограничивается форматом исключительно «бумажного существования» с обязательным нулевым конечным эффектом. Обывателю же демонстрируется желаемая для власти картинка.

Один из последних примеров «гласа вопиющего в пустыне»: 1700 экспертов, принимавших участие в подготовке «Стратегии развития страны 2018–2024», признают, что ими «за последние десятилетия были разработаны стратегии, которые не привели к желаемым результатам». Они только забывают уточнить, сколько денег было освоено на этих стратегиях. «Честное слово, иногда хочется включить в Уголовный кодекс статью, карающую за злостное написание стратегий по предварительному умыслу в составе организованной группы» [20].

Во-вторых, историческую копилку сомнительных технологий элит пополняют и другие многообразные «долгоиграющие» социальные фикции, имитации, «подмены смыслов», фантомы, абберрации и даже симулякры — изображения без оригинала, репрезентация чего-то, что на

самом деле не существует [1, 5]. Одни из перечисленных изображают присутствие того, чего нет, другие — искажают, извращают, перекрашивают то, что есть в общественной практике. Фальшивые образы, имитации деятельности, дезинформация, «лукавые цифры», псевдозабоченность, квазидостижения разного толка и пр. — обычные инструменты в арсенале властных элит, позволяющие им выживать и пережить ход текущих событий в течение порой значительного по историческим меркам времени. При этом они, сохраняя в руках власть, ревностно стремятся поддерживать в общественном сознании образ и имидж, якобы, прогрессивно и гуманистически ориентированных лидеров. «Наедине же с собой», как показывает российская история, объясняют такую модель поведения высшей целесообразностью.

В 90-ые годы XX в., если воссоздавать картину крупными мазками, вне деталей, российская политэкономия превратилась в арену идеологической борьбы интересов: 1) формирующегося класса крупных собственников, идейно обслуживаемых представителями псевдолиберально-рыночной идеологии (по факту, апологетами «свободного» рынка); 2) оппозиционных к ним силам — просоциалистически настроенным, по сути отвергающим рынок как таковой под предлогом борьбы с «бандитским» капитализмом. Победа досталась первым с их идеями псевдолиберализма и с инициированием «шоковых» реформ.

Современной российской политэкономии сегодня можно поставить трагический диагноз, если руководствоваться в своих оценках идеями неклассической политэкономии, артикулируемыми Е. Шмоллером. Увы, начиная с последнего десятилетия XX века политические силы, находящиеся у власти в России, руководствуются в своей практической деятельности по управлению страной архаическим политэкономическим дискурсом, весьма далёким от эпохи зрелого модернити и, тем более, начального этапа постмодернити.

Во-первых, в основе данного архаичного политэкономического дискурса лежат идеи чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, последняя же по своей природе далека от забот по построению (и реализации) исторической и этической концепции государства и общества. Ежегодное выведение российским бизнесом многомиллиардных капиталов за рубеж при фатальном остром дефиците инвестиций и капиталовложений в стране — яркое свидетельство полного безразличия российской «экономики бизнеса» не только к «концепциям», но и к самой судьбе российского государства в целом.

Во-вторых, данный архаический дискурс (его парадигма) выступает мощным (визуально наблюдаемым) «эксклюзивным псевдонаучным когнитивным ресурсом», «идеологическим орудием» класса крупных собственников.

Свидетельство тому — устойчивый во времени «класс бенефициаров» как правительственных реформ, постановлений, указов, так и помпезных скандальных ремонтов истроек «века». Особо стоит упомянуть в этой связи бенефициаров экономической (налоговой, финансовой,

промышленной, инвестиционной), правоохранительной и пенитенциарной политик [20]. Так, например, действующая ныне плоская шкала налогов, по «куртуазности» духа и сути в отношении высокодоходных классов не имеет аналогов в мире, разве что в африканских племенах. Как ни парадоксально, но она (налоговая шкала) являет собой прямое воплощение восставших из небытия принципов «социалистической уравниловки» и «военного коммунизма». Российские «либералы», гневно отвергая принципы уравнительности как таковые, также являются защитниками горизонтальной шкалы налогов.

Почему же мы слышим от власти «нет» прогрессивной шкале налогов? Потому, что она не хочет нарушать интересы высокодоходных групп населения, сколотивших себе состояния в 90-е. Таким образом, действующая в стране на протяжении почти трех десятилетий плоская налоговая шкала является, по сути, маркером тех групп, которые выступают в качестве бенифициаров экономических реформ и в интересах которых проводится экономическая политика в стране.

Правоохранительная и пенитенциарная системы демонстрируют массовые случаи криминальной антигосударственной практики. Реального противодействия ей не наблюдается. Правда, в последнее время отдельные представители власти высказываются в пользу такого противодействия: «Надо вернуть конфискацию имущества как дополнительный вид наказания» — об этом в интервью «Известиям» заявил недавно председатель Следственного комитета России, генерал юстиции А. Бастрыкин [16]. Однако пока практически ничего не меняется.

В-третьих, современная правящая элита отвергает необходимость решения ключевой для современной России экономико-этической проблемы — научно обоснованного распределения и перераспределения общественного продукта между общественными группами, прежде всего выравнивания доходов и личного богатства посредством налогообложения и мер социального обеспечения.

Ввиду отсутствия в стране политики, программы и институтов научно обоснованного и гуманистически аргументированного распределения и перераспределения произведенных благ между общественными группами, величина разрыва в доходах богатых и бедных (децильные коэффициенты) приняла в России экстремальные значения и продолжает расти уже три десятилетия. Такая ситуация социально травматична для общества и взрывоопасна.

В-четвёртых, объективности ради отметим, что в СССР принципы социоцентризма и «человекоцентризма» в действующих экономических институтах производства и распределения общественных благ всё же присутствовали, но чаще в фрагментарных, коррозийных, искаженных или же номинальных формах. В современной России в политике государства и в идеологической сфере господствует исключительно инструментальный подход к человеку: человек — наш самый главный ресурс решения выдвигаемых государством задач общества, орудие осуществления государством экономической политики и т.п. Именно такого

рода подход, рассматривающий человека как «орудие, инструмент, способ» для выполнения государственных задач, прежде всего экономических, преобладает в речах управленческих элит, в текстах действующих программ, указов, постановлений государственных структур и пр. Терминальный же подход с его идеями человекоцентризма, самооценности каждого человека (о чем радел цитируемый здесь Е. Шмоллер) остаётся в основном за пределами государственной политики, может фигурировать лишь в отношении представителей искусства, науки и отчасти в религиозной сфере, хотя и с большими оговорками и исключениями.

Принципы «социоцентризма» и «чело­векоцентризма» мало фигурируют даже в государственной пропаганде. Забота власти и общества о человеке носит сегодня периферийный характер, реализуется не как самоцель, а как одна из желательных целей, служащих поддержанию устойчивости существующего общественного строя, но в гораздо меньшей мере как субъект, а в гораздо большей мере как: 1) объект финансовой экспансии и экономии ресурсов государства (на оплате его труда, доходах, здоровье, рекреации, образовании, культуре и пр.); 2) надёжный источник, ресурс «латания дыр» в федеральном бюджете; 3) источник извлечения дохода господствующими социальными группами вплоть до паразитической административной ренты.

Одновременно государство оказалось неспособным поддерживать воспроизводство общественного продукта, модернизировать структуру экономики, сделать ее способной удовлетворять на необходимом уровне социальные потребности населения.

Как следствие такого положения дел возникают пробелы, изъяны и дефекты федеральной промышленной политики (ФПП), девальвирующие ее возможные созидательные эффекты [15].

Федеральная промышленная политика сегодня — это система действий государства как института, призванная: 1) преодолевать асимметрии, диссонансы и провалы в архитектонике, структуре и функционировании экономики промышленности в рыночных условиях, 2) стимулировать деятельность хозяйствующих субъектов (предприятий, корпораций, промышленных платформ и т.д.), их адаптацию и интеграцию в контексты и коннотации Четвёртой промышленной революции.

Авторами статьи выдвигается социологическая концепция многовекторной природы развития промышленного предприятия, как и промышленного сектора экономики в целом, и, соответственно, многовекторного характера их модернизации.

Суть концепции заключается в следующем.

Модернизация российских промышленных предприятий на данной стадии их исторического развития — мобилизационный процесс, направленный на преодоление их глубокого отставания по широкому комплексу характеристик от передовых стран мира. Содержанием этого процесса является, в конечном счете, движение предприятий к зрелой версии постиндустриальной (поздний модернити) модели развития, технологическую базу которой создаёт 4-я промышленная революция.

Одновременно промышленное предприятие, представляя собой сложную композиционную систему из многих взаимосвязанных, но и, в известных границах, «самостоятельных» подсистем, способно успешно осуществлять модернизационные процессы. Но такая адаптация и интеграция в контексты и коннотации 4-й промышленной революции возможна лишь в режиме «консистентности», т.е. относительно синхронных во времени однопавленных трансформаций всех ее пространств (подсистем, проекций, подструктур).

В свете этой концепции пороком современной российской промышленной политики является её исключительный интерес к технологическим и экономико-производственным аспектам промышленности при слабом внимании к другим сторонам, в том числе к главному фактору производства — человеческому капиталу.

Человеческий капитал в его экономико-социологической интерпретации — это стоимость (материальная, социокультурная, социальная, символическая, духовная), создающая прибавочную стоимость в объёмах и размерах, обеспечивающих ему (человеческому капиталу) полноценное, в «идеальной версии», восстановление, воспроизводство и развитие «жизненных сил», затрачиваемых в ходе производственного процесса — создания продукта соответствующего профиля. В свою очередь, развитие человеческого капитала преобразует социокультуру общества, его материальный (включая, технологический) и духовный уклады, гармонизирует общественные отношения, актуализирует ценность свободы, демократии, солидарности, толерантности, эмпатии и пр.

В стороне от современной федеральной промышленной политики остаётся и проблема качества трудовой жизни — обеспечение такого её уровня, который удовлетворял бы высоким требованиям самореализации и расширенного воспроизводства человеческого капитала. Особая роль в этой проблематике должна отводиться социальной и нормативно-правовой защищенности работников, в том числе уровню институционализации договорных трудовых отношений (ИДТО), т.е. системе социально-правовых норм, правил, механизмов и организационных структур, обеспечивающей сбалансированность интересов работодателя и наёмных работников.

Концепция качества трудовой жизни, — по мнению В. Ядова, — представляет собой своего рода обобщение, смысловую интеграцию, приведение к общему множителю «сложившихся к 60-ым гг. XX в. трудовых теорий и концепций «человеческого капитала», «человеческих отношений», «гуманизации труда», «обогащения труда», «производственной демократии» и пр. [18. С.104]. По его мнению, основу концепции составляют два положения: 1) «главным мотиватором должна являться не зарплата, не карьера, а удовлетворенность от достижений в процессе труда» и, 2) «полная самореализация и самовыражение личности работника, которые могут осуществляться только в условиях трудовой демократии» [18. С.105].

Наиболее полная реализация человеческого капитала в производственном процессе — важный индикатор высокого качества трудовой жизни и одновременно необходимое условие цифровизации экономики и 4-ой промышленной революции в России.

В Федеральной промышленной политике должна найти отражение концепция достойного труда, предложенная в 1999 г. Международной организацией труда (МОТ). Согласно этой концепции, достойным является производительный труд, который одновременно является свободным, безопасным, справедливо оплачиваемым, развивающим и не принижающим достоинство человека.

«Закон сохранения» человеческого капитала, по мнению Л. Григорьева, заключается в его эффективном применении. «Если этот капитал работает, то он сохраняется», в противном случае, будучи неиспользованным в полную меру, «он исчезает», утекает за границу и прочее» [14].

Создание условий для успешного становления (осуществления) и функционирования такого рода «закона сохранения» человеческого капитала, безусловно, должно было бы быть полноценным разделом ныне действующей ФПП. Но этого нет. Кроме того, в ближайшем будущем следовало бы поставить более грандиозную задачу — создание объективных условий расширенного воспроизводства человеческого капитала в промышленном секторе экономики. Речь здесь идет не о демографической составляющей воспроизводства, а, во-первых, о росте величины креативной отдачи «единицы капитала» на базе использования новых более совершенных производственных технологий, материалов, программ, улучшения условий и режима труда, систем оплаты труда, демократизации производственных отношений, социальных технологий и перехода управления с иерархической на горизонтальную систему, расширения, повышения уровня профессионально-образовательных компетенций и навыков работников, их духовного, нравственного, ментального, физического, соматического, психоэмоционального здоровья, социальной и правовой защищённости и пр., а также, что очень важно, совершенствования социокультурных образцов сознания и трудового поведения работников.

Итак, стратегия развития России и её промышленного сектора, на наш взгляд, должны быть взаимоувязаны и иметь своей главной частью развитие человеческого капитала. При этом надлежит переориентировать внимание с показателей темпов экономического роста, технологической оснащённости производства на показатели устойчивого гармоничного развития человека, человеческого капитала.

Необходимое представление об этой проблематике дают социологические обследования, основанные на универсальной теоретической модели дискурс-анализа [20], в рамках которой дискурсы рассматриваются как «способы общения и понимания социального мира, конкурирующие между собой за придание социальному миру определенных значений. Дискурсы постоянно вовлечены в борьбу за достижение превосходства». Поэтому «центральное понятие» данной теории — «борьба

дискурсов» [4]. Здесь под дискурсом мы понимаем смыслы, отношения, оценки, образы Федеральной промышленной политики России, которые являются продуктом социальной рефлексии руководителей экономики, директоров крупных промышленных предприятий, фиксирующиеся при проведении социологических обследований в их ответах на открытые вопросы социологической анкеты в режиме самозаполнения, в условиях и гарантиях конфиденциальности со стороны социолога. Дискурсивное сознание опрашиваемых — это то, что они, осознав, отрефлексирав и осмыслив, способны устно или письменно выразить, включая и опираясь прежде всего на свой опыт и условия собственной деятельности.

Этот подход был реализован нами, в частности, в экспертных опросах руководителей предприятий г. Новосибирска в 2009 и в 2016 годах, посвященных модернизации промышленного сектора экономики страны и их конкретного предприятия.

В российских реалиях сегодняшнего дня одни из пространств (подсистем) промышленного сектора экономики отвечают критериям современности и идут в ногу с информационной эпохой, другие — отстают и «задерживаются» в историческом прошлом. Российская промышленность, по оценкам специалистов, представляет хаотический набор преимущественно устаревших технологических укладов, где предприятия 3-го (1880—1930 гг.) и 4-го укладов (1930-70-е годы) составляют до 85%, а производственные системы 6-го уклада, по сути, единичны.

Далее попытаемся дать в обобщенном виде схематическое представление об основных исторических этапах модернизации промышленного производства в контексте разных направлений (проекций) модернизационного процесса. В ходе модернизации, разворачивающейся в естественном режиме от стадии к стадии, т.е. снизу вверх, от простых практик и форм — к сложным, происходит не только смена технологических укладов, но и одновременно осуществляется глубокая поэтапная гуманизация производственных, политико-управленческих и социокультурных отношений, обеспечивающая рост субъектности человека труда, его раскрепощение, самоконтроль и самореализацию. Однако гуманизация пробивает себе дорогу с трудом, сопровождается классовой борьбой (ныне редко употребляемый термин) и требует постоянного отслеживания и контроля со стороны общества, науки, а также самих авторов разного рода «промышленных политик». Французские социологи отмечают, что «в ходе модернизации труда наёмные работники оказываются скорее проигравшими, чем победителями». В этой стране статистика об ухудшении условий труда прослеживается с начала 1980-ых годов. Выявлено, что интенсификация труда, инновации в его организации по большей части направлены лишь на повышение его производительности и не принимают в расчет интересы наёмных работников, а «их право на жизнь, здоровье и чувство собственного достоинства радикальным образом ставятся под сомнение» [23].

Подобные процессы наблюдаются и в России, где институционализация договорных трудовых отношений находится на чрезвычайно низком уровне.

Так, анализ взаимодействия субъектов договорных отношений на отечественных предприятиях даёт основание российским социологам утверждать, что «они находятся на раннекапиталистическом этапе институционализации. Для него характерно доминирование неформальных практик и спонтанных механизмов регуляции отношений между администрацией и работниками. Эти отношения развиваются на фоне мало ограниченной власти работодателя и высшего менеджмента, широких административных и хозяйственных возможностей предпринимателя и слабой защищенности наёмного работника» [2; 3].

Примечателен следующий факт: государственные статистические органы России перестали публиковать в последние годы статистическую информацию о занятости работников во вредных условиях труда, когда обнаружилась устойчивая тенденция к её росту.

В ходе упоминавшегося выше экспертного опроса руководителей крупных новосибирских промышленных предприятий была выявлена общая картина состояния их (предприятий) в разных пространствах (проекциях, подсистемах) (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Оцените, пожалуйста, степень соответствия подструктур Вашего предприятия (технологической, производственной, организационно-управленческой и др.) разным стадиям промышленного развития?»**

(2009 г. и 2016 г. значения последнего в таблице указаны в скобках), %

Структуры (подсистемы) предприятия, которым соответствуют специфические проекции модернизации	Структуры предприятия, которые соответствуют реалиям развития западных передовых стран в разные исторические периоды (стадии)		
	Третья четверть XX в. (зрелый модернити)	Последняя четверть XX в. (поздний модернити)	Начало XXI в. Новый этап развития (начальная стадия постмодернити)
1. Технологическая (совокупность техники и методов её использования)	1. Преобладание конвейерного оборудования при сохранении оборудования станочного типа, а также физического труда при машинах и механизмах; использование в качестве энергисточника нефти, газа, мазута, угля.	2. Активное внедрение «высоких технологий»: электронных, химических, биологических, лазерных и др.; распространение новых информационных компьютерных технологий, компьютеризация техники; распространение ядерных, термоядерных и др. источников энергии.	3. Нанотехнологии, миниатюаризация техники и оборудования, биокомпьютерные и др. инновационные технологии, использование энергии солнца, ветра, воды
Всего –100%	65.8 (40.0)	26.7 (55.6)	7.5 (4.4)

II. Производственная (уровень субъектности и содержание производственного процесса)	1. Крупномасштабное конвейерное производство массовых стандартных товаров; человек — часть оборудования, к которому он приставлен; вытеснение из рабочего процесса мастера — <i>рутинная автоматизация «вымывает золото из голов рабочих»</i> , жесткое разграничение и нормирование труда (фордизм); потребительское отношение к природе.	2. Гибкое оборудование, программируемое при помощи новых технологий, компьютеризация рабочих процессов, обеспечивают возможность работнику создавать разнообразный широкий ассортимент продуктов, легко менять их дизайн, переключаться с производства одного продукта на другой (постфордизм); эргономичность трудового процесса и развертывание процессов экологизации производства. Станки с программным управлением автоматически останавливаются при возникновении сбоя, что способствует сохранению ресурсов	3. Безотходное экологическое производство, индивидуализация и интеллектуализация труда, человек приближен к ситуации, когда он является полноценным субъектом производственного процесса
Всего — 100%	40.8 (39.0)	55.0 (52.0)	4.2 (9.0)
III. Политико-управленческая (принципы управления и отношения власти)	1. Жесткая вертикаль власти; принцип управления — авторитаризм; отчуждение работника от власти и управления;	2. Социальное партнерство, возрастание роли коллегиальных структур; принцип управления — руководство	3. Увеличение роли работников предприятия в принятии решений о стратегии его развития; принцип управления — согласование, самоуправление
Всего — 100%	56.0 (42.0)	35.2 (48.0)	8.8 (9.0)
IV. Информационная (объемы потоков и интенсивность циркуляции информации между работниками и функциональными подразделениями предприятия; степень осведомленности работников о деятельности предприятия и т.д.)	1. Ограниченный доступ работников к информации о деятельности предприятия; отчуждение от информации.	2. Тенденция к демократизации получения информации; информационные источники становятся более доступными, отчуждение от информации уменьшается	3. Заметная прозрачность и открытость информации о работе всех подразделений предприятия, кроме той, которая представляет коммерческую или промышленную тайну. Формирование прозрачных информационных систем управления предприятием
Всего — 100%	27.1 (24.0)	34.5 (43.0)	38.4 (33.0)

<p>V. Социальная (уровни и иерархии социальной организации предприятия, взаимодействие между работниками и пр.)</p>	<p>1. Жесткая социальная структура, препятствующая свободной циркуляции групп по иерархической лестнице; эксплуатация наемного труда; отчуждение работника от процесса и результата труда, от возможности самореализации, минимум льгот и социальных гарантий.</p>	<p>2. Гуманизация труда, развитие партнерских отношений, доверия; рост и расширение спектра социальных гарантий; социальная структура остаётся статусной, «зернистой»; однако начинается процесс её трансформации от вертикального типа к горизонтальному.</p>	<p>3. Надежная система социальной защищенности работника, дальнейшая гуманизация труда, развитие партнерских отношений, высокая концентрация доверия, минимизация социальной дистанции между управленческим и рядовым персоналом, социальная структура – функциональная, «сотовая»</p>
<p>Всего –100%</p>	<p>34.0 (19.0)</p>	<p>41.8 (54.0)</p>	<p>24.2 (27. 0)</p>
<p>VI. Когнитивная (глубина, уровень и качество знаний работника о рабочем месте, предприятии и мире; производство нового знания)</p>	<p>1. Знание необходимо преимущественно для выполнения конкретной рабочей функции, отчуждение работника от процесса и возможности усвоения знаний</p>	<p>2. Осознание необходимости расширения и аккумуляции знаний работников в высококонкурентной среде; необходимость усвоения знаний минимизирует отчуждение от процесса и возможности их усвоения</p>	<p>3. Широкий объем знаний о мире, обществе, экономике, предприятии, его функции и продукте</p>
<p>Всего –100%</p>	<p>34.2 (33.1)</p>	<p>40.3 (53.4)</p>	<p>25.5 (15.5)</p>
<p>VII. Экологоментальная (Менталитет – общий для членов группы или организации образ мышления людей, тип мировосприятия и осознания окружающего мира и себя, единообразная мировоззренческая матрица, позволяющие сходным образом воспринимать окружающую реальность, оценивать её и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образцами поведения, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга)</p>	<p>1. Окружающий мир и природа как средство для роста благосостояния, сохранение доставшегося от исторического прошлого религиозно-мифологического типа сознания; определяющую роль в формировании картины мира играет повседневная жизнь и мифы</p>	<p>2. Инвайроментализм – осознание исчерпаемости природных ресурсов и экологической катастрофы, актуализация природоохранной политики; определяющую роль в формировании картины мира играет наука; постижение (понимание) значимости работы как возможности для самореализации.</p>	<p>3. Креативность, гармония, толерантность, ответственность как доминирующие элементы сознания и самосознания человека; гуманизм; природосберегающая политика человека в процессе производства; природа как самооценочность</p>
<p>Всего –100%</p>	<p>32.4 (36.1)</p>	<p>51.0 (48.9)</p>	<p>16.6 (15.0)</p>

Данные, приведенные в табл. 1, являются результатом процедуры идентификации экспертами различных подсистем (пространств) руководимых ими предприятий, с точки зрения соответствия этих подсистем разным стадиям модернизации западных стран¹.

Таблица 1 даёт представление об уровне модернизированности разных подсистем обследуемых предприятий, а кроме того позволяет высказать следующие соображения – общие для двух обследований.

1. Очевиден драматичный отрыв значительной части подсистем предприятий от реалий XXI в.

2. Обнаруживается картина ярко выраженной рассогласованности и асимметричности модернизации разных подсистем предприятий. Одни из них, по оценкам экспертов, вырвались вперед и предстают наиболее модернизированными (например, информационное, когнитивное, социальное пространство, ИКС). В них присутствуют, хотя и в весьма скромных масштабах, признаки, соответствующие реалиям промышленного развития в передовых странах мира начала XXI в. (соответственно: 2009 г. – 38.4; 25.5; 24.2% и 2016 г. – 33.0; 15.5; 27.0 %). Другие подструктуры – производственная, технологическая, политико-управленческая, ПТУ – напротив, демонстрируют минимальные значения своей «причастности» к реалиям XXI в. (подструктуры информационного, когнитивного и социального пространства, соответственно, в 2009 г. – 4.2; 7.5; 8.8% и в 2016 г. – 9.0; 4.4; 10.0%), т.е. продолжают жить преимущественно в третьей четверти XX в. – «своём» историческом времени.

Иными словами, на предприятиях существует ярко выраженный диссонанс между, с одной стороны, информационной, социальной и когнитивной, а с другой – производственной, технологической и политико-управленческой подсистемами.

При очевидной важности всех трех последних подсистем, всё же особое звучание приобретает сегодня проблема состояния и необходимости трансформации социально-управленческой подсистемы промышленных предприятия в связи с переходом к новым промышленным укладам, предполагающим делегирование полномочий управления в руки рядовых сотрудников, апофеоз знания вместо «должностной власти и, закреплённого иерархией господства», отказ от «должностной привилегированности стратегического видения по отношению к непосредственно связанным с процессом опытным и профессиональным знанием». Такого рода тренды предъявляют новые требования к человеческому капиталу, и одновременно открывают перед ним новые возможности и горизонты для самореализации.

Как видим, человек на предприятии, по мнению экспертов, обладая удовлетворительными профессиональными компетенциями (когнитивность), демонстрируя, в определенных границах, присутствие позитивных

¹ Следует отметить, что выборочные совокупности предприятий, попавших в обследование, различаются по составу и по объёму (2009 г., число предприятий – 21 и 2016 г., их число – 33). Лишь три четверти предприятий, участвующих в обследовании 2009 г., повторно вошли в список вновь обследованных предприятий в 2016 г. и составили его половину. Руководители предприятий, к сожалению, труднодоступный для социологии контингент, и обеспечить строгую сопоставимость данных во времени – сложная задача.

социальных качеств (способность налаживать партнерские отношения, доверие), сталкивается с проблемой устаревших технологий, отживших свой век производственных и управленческих социальных практик и отношений, что ведет к растрате впустую его креативных, созидательных ресурсов.

При этом следует отметить, что подход к технологической подсистеме — в «техническом смысле», а именно он имеет место в действующей федеральной промышленной политике, устарел.

Само понятие «технологический капитал» — в дискурсах современной социологии, а также относительно новых научных дисциплин — антропологии технологии и культурологии технологии [11], отстаивающих совокупность идей о неразрывности, глубинной связи, взаимообусловленности двух фрагментов общественной жизни: технологической и социокультурной, — несёт в себе мощный заряд социокультурной составляющей — человеческого, культурного и социального капиталов. По сути, речь идет о глубокой, тотальной насыщенности всех технологических артефактов социокультурными элементами. Подход такого рода чрезвычайно важен, поскольку купирует ограниченность, порочность и социальную опасность исторически доминирующего в российских управленческих элитах технократического взгляда на процессы «производства» технологических инноваций, обслуживающих задачи Четвертой промышленной революции, 6-го и 7-го технологических укладов.

И всё же неутешительные предостерегающие прогнозы даёт по поводу технологических инноваций Нассим Талеб: «Двадцатый век принёс банкротство социальной утопии, двадцать первый принесёт банкротство утопии технологической» и ещё — «большинство современных технологий — отсроченное наказание». [12. С. 617, 624]

Динамические сдвиги в каждой из подсистем имеют эксклюзивный характер и разнонаправленные векторы движения. И всё же в целом ситуацию во временном диапазоне 2009–2016 годов можно было бы оценить как слабо позитивную. Лидером же перемен по факту является технологическая подсистема, совершившая заметный рывок вперед. И всё же этот вывод носит предположительный характер, ввиду указанных выше различий в сравниваемых совокупностях обследуемых предприятий.

Пафос данной статьи направлен на иллюстрацию и поддержку идеи должностования многопрофильной структуры Федеральной промышленной политики, которая рассматривает промышленный сектор экономики как симбиоз технологической, экономико-производственной, информационной, организационно-управленческой, социальной, когнитивной, ментальной и др. подсистем предприятия. **Отсутствие аналитики и синтеза такого рода в архитектуре ФПП — её позор.**

Какова же оценка федеральной промышленной политики России руководителями предприятий?

Упомянутое обследование позволяет выявить особенности субъективного восприятия и визуализации промышленными элитами — директорами предприятий той части проблем (коллизий) промышленного

сектора экономики, которые напрямую связаны с конфигурацией, внутренней структурой, направленностью и смысловым наполнением современной федеральной промышленной политики в России в первые два десятилетия XXI века.

Проблема «борьбы дискурсов» в связи и по поводу проводимой государством ФПП, возможностей и механизмов отстаивания и согласования «разбегающихся», «конфликтующих» интересов проправительственных кругов и промышленных элит (представленных в нашем исследовании «экспертами» — руководителями крупных промышленных предприятий) остаётся открытой. Диалог не налажен, заинтересованность в его ведении со стороны власти не просматривается, кардинальных мер по расширению доступа к «центрам принятия решений» не проводится [13]. Ниже мы попытаемся осветить позицию *одной из сторон* «борьбы дискурсов», «не налаженного диалога» — представителей директорского корпуса промышленности.

Полученные ответы экспертов локализовались в пространстве смыслов и коннотаций концептуальной направленности ФПП — её механизмов, эффективности, барьеров и тормозах, группах интересов, сосредоточенных в зоне её формирования (и реализации), бенефициарах и пр. Авторские научные гипотезы носили альтернативный характер.

Гипотеза № 1 (позитивная) заключалась в предположении о смягчении и сужении во времени круга коллизий и напряжений между федеральной властью и руководством промышленных предприятий в связи и по поводу проводимой федеральной промышленной политики. В данном случае гипотеза опиралась на широко транслируемые многообразные контенты, программы и концепции, факты и практики, свидетельствующие о всё возрастающем внимании (переходящим в плоскость практических решений оперативного и стратегического характера) Федерального центра к проблеме ширококомасштабной активизации прорывных инновационных технологий, новых источников устойчивого роста, прогрессивных структурных изменений в экономике страны и пр. Не заметить или отрицать их невозможно.

Гипотеза № 2 (негативная) имела альтернативный смысл и состояла в предположении консервации во времени социально-экономических коллизий между Федеральным центром, в лице управленческих элит, и руководством российских промышленных предприятий по поводу проводимой Центром промышленной политики. Данная гипотеза нашла теоретическое обоснование в идеях Д. Норта [6] и базировалась на его двух взаимодополняющих утверждениях: 1. Способность институциональной матрицы общества — её формальной и неформальной составляющих — к самоподдержанию, создающему «эффект блокировки» перемен, феномена консервирующей динамики «социальных сил инерции». 2. «Зависимость от траектории предшествующего развития — это ключ к аналитическому пониманию долгосрочных экономических изменений». Применительно к нашему сюжету эти положения означают не что иное как возможность и реальный эффект присутствия «механического»

перетекания во времени «старого бремени» негативно окрашенных социально-экономических практик, ментально-когнитивных конструкций и модусов, связанных с институтом федеральной промышленной политики, в новую реальность.

Именно этот феномен и был обнаружен (зафиксирован) нами в ходе сравнительного анализа результатов двух упомянутых выше экспертных социологических опросов.

Исследование позволило сделать следующие выводы.

1. В ходе верификации гипотез было выявлено, что верна гипотеза № 2. Во-первых, дискур-анализ подтвердил, что наши эксперты (руководители обследуемых предприятий) занимают прежнюю острокритическую позицию в отношении ФПП, давая ей низкую оценку, несмотря на усиление внимания федерального центра к промышленной политике, выражающееся в росте числа программ, концепций, указов, постановлений, финансовых вливаний в отдельные сегменты промышленности и пр.

Во-вторых, негативно окрашенная критическая позиция экспертов в отношении ФПП демонстрирует и визуализирует высокий градус энергии социального напряжения и коллизий между ключевыми агентами промышленной экономики — руководством региональных промышленных предприятий и Федеральной властью, — вызванный данной политикой. По сути, это является сегодня одним из главных барьеров на пути выхода страны на траекторию инновационного технологического развития. Перевод вышеозначенной энергии в поле согласований и конвенциональных договоренностей — первоочередная задача для агентов созидания ФПП.

В-третьих, одновременно семантическое поле высказываний, мнений, суждений, представлений экспертов позволило обнаружить и зафиксировать на примере института федеральной промышленной политики реальный эффект «механического» перетекания во времени «старого бремени» негативно окрашенных практик, ментально-когнитивных конструкций и модусов, укорененных в экономической культуре общества ещё в 2009 г. (на самом деле, естественно, на сорок лет раньше), во второе десятилетие XXI в. (хищения, лоббизм, протекционизм, слабая мотивация к производительному труду, тяга к легким деньгам, бесконтрольность, непрофессионализм, черты «феодализма» в производственных отношениях и пр.).

Общественные условия и социокультурные матрицы таковы, что, по мнению экспертов, Федеральная промышленная политика «носит декларативный характер, не доведена до уровня действенных эффективных правовых, финансово-экономических механизмов», «выделяемые государством в рамках ФПП транши застревают «наверху», тонут в коррупционных схемах», имеет место «засилье монополистов и бюрократии», «недоверие к бизнесу», «постоянное создание препятствий для модернизации предприятий», «закрытая, недемократичная система подбора экспертов, непрозрачность экспертиз, процедур принятия решений», убежденность в том, что «к экспертизам нужно подключать

авторитетных специалистов-отраслевиков, а не управленцев», «сомнительность критериев распределения привилегий, предпочтений, бонусов», конкуренция групп лоббирования, продавливания частных интересов в ущерб общегосударственных, «не действенные, не работающие механизмы реализации программ и решений», «устойчивые структуры постоянных бенефициаров» и пр. Всё это уже три десятилетия сопровождает в российском экономическом поле любое начинание, связанное с распределением символических и материальных капиталов, в том числе и в сфере промышленной политики. Такова, в общих чертах, драматичная совокупность оценок и обстоятельств, формирующих остро критический настрой наших экспертов по отношению к проводимой Центром ФПП. Увы, современные директора предприятий лишены возможности (полноценных рычагов, инструментов) хоть какого-либо воздействия на управленческие элиты Центра.

В конце, вместо заключения приведём глубокий аналитический вывод одного из экспертов: «Центральный недостаток промышленной политики – отсутствие системного подхода в лечении опасной разветвлённой общественно-экономической болезни, для которой характерны следующие симптомы (они же деформации): 1) импортообеспечение российского потребительского рынка; 2) импортооснащённость производства средств производства; 3) импортная подневольность российского рынка финансов; 4) импортоориентированная идеология (в головах элит); 5) импортозависимость науки (установки, приборы, материалы, реактивы и пр.). Эти деформации взаимозависимы и потому проблема должна решаться одновременно и согласованно во всех направлениях». Но судя по нынешней политике, решение этих проблем затягивается. А это может означать, что создателям федеральных промышленных политик предстоит снова писать другие помпезные программы, сулящие лишь «распил» очередных государственных средств. Не оглядываясь на оставленные ими «поля проигранных сражений».

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Система вещей // М., 1995, 2001.
2. *Бочаров В.Ю.* Институционализация договорных трудовых отношений. Социология труда // Санкт-Петербург: Наука. 2006. С. 98–99.
3. *Бочаров В.Ю.* Институционализация договорных трудовых отношениях на отечественных предприятиях // Социологические исследования, 2001, № 7.
4. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации // М.: Академический проект, 2003. 528 с. («Концепции»). ISBN 5-8291-0232-3
5. *Делез Ж.* Различие и повторение // СПб.: Петрополис, 1998. 384 с. ISBN 5-86708-110-9.
6. *Дуглас Норт.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997г. С.190
7. *Ефимов В.* Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики, № 8, 2007 (С. 49–67). С. 57.
8. Копенгагенская декларация о социальном развитии https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml
9. *Корель И.И., Павлюк Е.А., Корель Л.В., Кафидова Н.Е.* Инновационное развитие в интерьере реиндустриализации регионального пространства России. DOI: 10.15372/REG20180108 // Регион: экономика и социология. 2018. № 1. С. 167–190.

10. *Корель Л.В., Комбаров В.Ю.* Директора предприятий о государственной промышленной политике (результаты экспертного опроса) // Социологические исследования. 2010. №11 (319). С. 26–34.
11. *Курлович П.Н.* Социальные условия использования технологии и когнитивные процессы / Журнал социологии и социальной антропологии // Санкт-Петербург: С-ПГУ, СИ РАН, 2017. С.166–180.
12. *Нассим Николас Талеб.* Черный лебедь – под знаком непредсказуемости // Москва: КоЛибри. 2014. С. 736.
13. *Нехода Е.В., Каз Е.М.* Взаимодействие государства и бизнеса: движение к общим ценностям //Общество и экономика. 2019. № 5. С. 58–77.
14. Новости Известия, 11 апреля 2019. Эволюцию человеческого капитала в макроэкономике обсудили на форуме IPQuorum. <https://iz.ru/866678/2019-04-11/evoliutciiu-chelovecheskogo-kapitala-v-makroekonomike-obsudili-na-forume-ipquorum>
15. *Помещик В.* Поля проигранных сражений // Смоленск: Траст-Имаком: Смол'ин. 1993. С. 301.
16. Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин — об ужесточении уголовного законодательства и борьбе с откатами <https://iz.ru/899404/izvestiia/nado-vernut-konfiskatciiu-imushchestva-kak-dopolnitelnyi-vid-nakazaniia>
17. *Симачев Ю., Кузык М., Кузнецов Б. и Погребняк Е.* Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди манящих перспектив и фатальных ловушек // Форсайт, Т. 8. № 4. 2014. С.6–21.
18. Социология труда // Санкт-Петербург: Наука. 2006г.
19. Труд и занятость в России. 2013: Стат.сб. / Росстат // М., 2013. 661 с.
20. *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс анализ: теория и метод / пер.с англ. // Харьков: изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
21. Центр стратегических разработок умер. Некролог. https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fcentr-strategicheskikh-razrabotok-umer-nekrolog_156559&d=1
22. Grimmer-Solem E. The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864–1894. Oxford: Clarendon Press, 2003.
23. THÉBAUD-MONY A. Avant-propos // Problemes politiques et sociaux. P., 2009. N 965. P. 5–8.